Ф. Р. Балонов

"МЫ ЛЮБИМ ВСЕ - И ЖАР ХОЛОДНЫХ ЧИСЛ, И ДАР БОЖЕСТВЕННЫХ ВИДЕНИЙ", ИЛИ ОПЫТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<...>весьма развитая система знаний о связи между собой и с Высшим Началом различных уровней бытия, а также система психосоматических практик, позволяющих реализовать эту связь <...>
(Мачинский 1996:3)

При чтении трудов такого рода почти всегда возникает ощущение, что меня, как читателя если не "охмуряют", то "заговаривают".
(Щукин 1996:1)

Археологи, благодаря специфике своей профессии, имеют дело с источниками разного свойства, перечислять которые здесь нет нужды. Афористическое определение археологии как истории, вооруженной лопатой (А.В. Арциховский), давно устарело, если вообще было актуально ab ovo. Чем только не была вооружена история: от кварцитового чоппера до нейтронной бомбы! Дело, видимо, не в "вооружении". Результаты исследования, скорее, зависят от того, как археолог распоряжается исходным материалом, какие методы и как применяет он, включая и методы сопредельных областей знания.

Порою исследователю приходится забираться далеко вглубь сопредельных областей, узнать их изнутри, чтобы не дилетантски, а грамотно и квалифицированно использовать не собственно археологические материалы и методы. Часто эти экскурсы оказываются захватывающе интересны, сильно затягивают, и трудно бывает найти обратный путь на Итаку. Однако при этом взору исследователя, не переставшему оставаться и чувствовать себя археологом, открываются как бы вдруг, ненароком, по видимости легко, решения загадок, заданных местным Сфинксом вовсе не ему, пришельцу, но им услышанных.

У ног Сфинкса-аборигена сереют и белеют косточки неудачливых разгадчиков. А теперь он, агонизируя, едва ворочающим языком задает уже не загадки, а вопросы, способные разрешить его собственное недоумение: Где и как откопал ты эти тайны? - Места знать надо! Ну, и копать, конечно, не методом "тыка", не шурфами, говоря археологически, а по всей площади, прослеживая слой за слоем. - А как же твои предшественники здесь, тем паче - наши, местные? Они, что ж, своего добра не ведали? - Может и чтили, да не всякая рыба может быть

© Ф. Р. Балонов, 1997.

ихтиологом, как говаривал Иосиф Абгарович Орбели.

Захватывающе блестящие экскурсы в соседние и даже удаленные от археологии области случалось встречать в работах обоих юбиляров: и Д.А.Мачинского, и М.Б.Щукина. В работах и опубликованных, и, быть может даже более, в устных откровениях. К сожалению, не все услышанное довелось потом увидеть напечатанным. Видимо, потому, что, готовя текст к публикации, исследователь невольно "включает" своего внутреннего редактора, который стремится к большей строгости (научности) изложения. И поскольку обоим, и Дмитрию Алексеевичу, и Марку Борисовичу не чужд интерес к литературе вовсе не научной, а очень даже художественной, хочу преподнести им сжатое описание некоторых своих путешествий в страну Литературию, в мифологические города Михаила Афанасьевича Булгакова.

Вряд ли в русской литературе XX века найдется другой такой писатель, чьи произведения были бы столь же пронизанно мифологичны, а потому и столь близки духу археологии. Все его произведения вкупе - единая, одновременно и Книга Бытия, и Книга Чисел, и Книга Видений, и Книга Откровения. Только у М.А.Булгакова прочной семантической нитью связаны, закреплены на одной оси две древние русские столицы - Киев и Москва, а на концах оси - два святых Града Камня: Санкт-Петербург и Иерусалим (древнеевр. Йерушалайим - "город из камня"). Петербург, по Булгакову, - "великий и злосчастный город", погибает (под именем Ленинграда) в апокалиптическом огне в пьесе "Адам и Ева". Москва гибнет от огня в романе "Мастер и Маргарита". Киев (под псевдонимом Город) подвергся духовному сокрушению в романе "Белая гвардия". Иерусалим показан явно в "Мастере и Маргарите" (в так называемых "евангельских" главах) под названием Ершалаим, имплицитно - в "Белой гвардии", где нашлось место и для Москвы. Все эти города вместе с тем и Вавилон как квинтэссенция вавилонского столпотворения. В "соавторстве" с И.Ильфом М.Булгаков создал и цикл сатирических рассказов "Московский Вавилон" (Балонов 1994:91-92).

Из "Книги Чисел": "Числа управляют миром", - считали некоторые мистически настроенные философы древности и средневековья. М.А.Булгаков, сам себя называвший МИСТИЧЕСКИМ ПИСАТЕЛЕМ (в письме Правительству СССР от 30 марта 1930 г.), был небезразличен к магии чисел. Напротив, он ими оперирует многообразно. И числа у него семантически насыщены. Уже в первом крупном произведении - "Белой гвардии" - заметно неслучайное их употребление. Оно обусловлено общей ориентацией романа на Откровение св. Иоанна Богослова (Апокалипсис), слова из которого взяты в качестве второго эпиграфа к роману ("И судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими" - Отк. 20.12), а кроме того цитируются и в романе. Апокалиптическим числом 666, одновременно "числом зверя" и "числом человеческим" (Отк. 13.18) кодирован в романе номер тюремной камеры, из которой якобы и был выпущен на волю Петлюра. Проверка показала (Балонов 1996), что использовал это число в применении к персонажу своего романа Булгаков вслед за мистическими вычислениями Пьера Безухова, в романе Л.Н.Толстого "Война и мир" тем же апокалиптическим знаком метившего Наполеона. При этом у Булгакова система "числоизображения", хотя сами вычисления и не явлены читателю, была более последовательной, чем у Толстого и закономерно подводила имя "Симон Петлюра" к апокалиптическому результату. При строгой же проверке арифметических упражнений Пьера Безухова видно, что сумма цифр, которыми он заменяет буквы в написанных по-французски титуле и имени Бонапарта, никак не получается равной 666. Этот казус не был замечен ни самим Толстым, ни исследователями его творчества. Система "мистического" счисления, заимствованная Толстым в готовом виде, была изначально полна натяжек и абсолютно неправомерна. М.Булгаков, скорее всего, этого не ведал, но минус на минус дает плюс, и последовательное применение даже неправильной системы дало "правильный", ожидаемый результат. Следуя Толстому, автор "Белой гвардии" приложил к алфавиту русскому, притом пореформенному (роман написан в 1923-1924 гг.), те же неправомочные принципы "числоизображения". Однако, если в кириллице не все, но многие буквы имели некогда и числовое значение, то после реформы 1918 г., когда из алфавита исчез ряд букв старой азбуки, это значение само собой оказалось аннулированно и забыто. М.Булгаков в целях придания роману мистического звучания реконструирует эту систему значений, пусть и

неверную в принципе. Опустив букву "й", он придает первым девяти буквам значения единиц, следующим девяти - десятков, от 10 до 90, а потом, вместо того, чтобы перейти к счету сотнями, оставшимся буквам алфавита, как и Пьер у Толстого, придает значения следующих десятков - 110, 120 и так до "я" (220). Вся система счета и вычисления убраны здесь за кулисы, но эксплицируются: С и м о н П е т л ю р а 80 + 9 + 30 + 50 + 40 + 60 + 6 + 90 + 20 + 210 +70 + 1 = 666.

Эта система счета была затем использована и в "Мастере и Маргарите". Здесь по этой системе адрес "нехорошей квартиры" (Б.Садовая, 302-бис) дает все те же 666, если "бис" рассматривать как знак удвоения последней цифры (лат.bis - дважды). А фамилия "Поплавский", дядюшки Берлиоза, покушавшегося на эту квартиру, что как бы само собой разумеется, дает номер дома - 302. Вместе с тем и число 302, следуя правилам каббалистического счисления (гематрии), можно рассматривать не только как 300 и 2, но буквалистски следуя "числоизображению", и как 30 и 2. Произведя обычную в гематрии операцию обратной замены цифр буквами, получаем "М" и "Б", то есть инициалы жившего здесь Михаила Берлиоза. И автора романа, проживавшего в доме, послужившем ему прототипом заколдованного места. Только в реальности дом имел номер 10. Но и на этом операции с число 302 не заканчиваются. Мало того, что сумма цифр, составляющих это число, равна 5, а это согласуется и с номером "нехорошей квартиры" - 50, и с идеей 5-го измерения как измерения дьявольского (по роману). Число 302, впервые мелькнувшее еще в таком раннем произведении М.Булгакова как "Диаволиада", писавшемся одновременно с "Белой гвардией" и опубликованном в марте 1923 г., как представляется, имеет и иную, противоположную дьявольской, семантическую привязку.

Здесь имеет смысл заняться небольшими раскопками на книжных полках писателя и чуть-чуть покопаться в его биографии. М.А. Булгаков родился в семье доцента Киевской духовной академии. Домашняя библиотека Булгаковых была довольно обширна. Впоследствии, живя в Москве, М.А.Булгаков обзавелся собственной библиотекой, в чем-то повторявшей отцовскую. К сожалению, она не сохранилась полностью, только немногие книги из библиотеки писателя попали в архив. Но известно, что в ней были и "Труды Киевской духовной академии", и Библия на древнееврейском и латинском языках. Вероятно, было издание и на греческом, и уж всяко - на старославянском. В свое время уроки Закона Божьего в Киевской 1-й гимназии, где учился Булгаков, дали знакомство с Библией именно на старославянском (хотя первая Библия на русском появилась еще в 1876 г., при обучении использовали старые тексты). Обращение к текстам Священного Писания на старославянском не только в начале 1920-х, когда писалась "Белая гвардия", но и в конце их, когда были написаны "Записки покойника (Театральный роман)", безусловно просматривается в том, что в этих произведениях есть цитаты из Апокалипсиса и на старославянском. Учитывая изъятие религиозной литературы из общественных библиотек, можно заключить, что у писателя были и русская, и славянская Библии под рукой.

Особый интерес представляет издание, вышедшее в Санкт-Петербурге в 1872 г. на старославянском языке (Библия 1872). В этом издании отсутствует обозначение страниц столь привычными "арабскими" цифрами. Пагинация в нем дана "цифрами славянскими" - буквами кириллицы. При этом помещались они только на одной, правой, то есть лицевой стороне листа. Оборотная не нумеровалась. Необходимости в этом не было, так как при ссылках на Библию принято указывать не выходные данные издания и страницу, а соответствующую Книгу Священного Писания, главу и стих (и то - сокращенно). Однако оборотная сторона листа, при необходимости все же указать ее, обозначалась так же, как и лицевая, но с добавкой "бис" (букв.: повторно). То есть в этом случае поступали так же, как при совпадении в нумерации домов. Открыв в упомянутом издании Библии оборотную сторону листа .ТВ., то есть листа 302, обнаружим, что здесь приведен текст псалма .РІИ. (118), самого пространного во всей Псалтири, состоящего из 176 стихов. На странице 302-бис уместились стихи 123-176. Точнее, со второй половины ст.123 (от слов "спасение твое и в слове правды твоея") по первую половину ст.176 ("Заблудих яко овча по"), окончание которого ("гибшее: взыщи раба твоего, яко заповедей твоих не забых") пришлось уже на следующий лист. Интересно отметить, что номер псалма ровно тот же, что и номер палаты, в которую помещен в клинике профессора Стравинского ти-

тульный персонаж романа "Мастер и Маргарита". В "Диаволиаде" под номером 302 находится некое "Бюро претензий".

Читая псалом 118 и памятуя о том, что псалмы вообще-то надо не читать, а как диктует жанр этих произведений, петь, обнаруживаешь, что как заключенные в нем смыслы, так и тональность вполне соотносятся с умонастроением и героя "Диаволиады" Короткова, и *мастера*. В какой-то степени они, видимо, были созвучны на протяжении четверти века и самому писателю. Правда, отношение М.Булгакова к религии в те годы еще нуждается в прояснении. Из дневниковых записей его сестры, Надежды Афанасьевны, известно только, что уже в 1910 г. под влиянием идей Дарвина он отходит от религии, а с 1915 г., работая в военных госпиталях, вкусив ужасов и несправедливостей войны, он снял с себя крест (Воспоминания 1988:54; Кончаковский, Малаков 1993:14). Однако позже, мыкаясь в Москве, в конце октября 1923 г. М.А.Булгаков, читая Ф.Купера, записал в своем дневнике: "Тип Давида, который распевает все время псалмы, и навел меня на мысль о Боге. Может быть, сильным и смелым он не нужен, но таким, как я, жить с мыслью о нем легче. Нездоровье мое осложненное, затяжное. Весь я разбит. Оно может помешать мне работать, вот почему я боюсь его, вот почему я надеюсь на Бога" (Булгаков 1995:72).

Другие дневниковые записи Булгакова свидетельствуют о том, как была ему невыносима разнузданная и топорная "атеистическая пропаганда". Этому вполне соответствует, например, ст.126 псалма 118: "Время сотворити, Господеви: разориша закон твой". И - отсюда - отклик в душе Давида, которому, кажется, готов был вторить и Булгаков (ст.127): "сего ради возлюби заповеди твоя паче злата и топазия" (стих утратил свое очарование в русском переводе: "А я люблю заповеди Твои больше золота, и золота чистого"). А далее следуют слова, смысл которых пронизывает все последующее творчество писателя: " <...> всяк путь неправды возненавидех" (128); "<...> и да не обладает мною всякое беззаконие" (133); "Избави мя от клеветы человеческия <...>" (134); "<...> забыша словеса твои врази мои" (139); "Приближишася гонящий мя беззаконием: от закона же твоего удалишася" (150); "Мнози изгонящий мя и стужащий ми: яко словес твоих не сохраниша" (157-158); "Князи погнаша мя туне: и от словес твоих убояся сердце мое" (161); "Неправду возненавидех и омерзих: закон же твой возлюбих" (163).

Рамки отведенного мне печатного пространства не позволяют развить эту тему, а потому вернемся к Числам. Как ни странно, мало кто обратил внимание на странное число, звучащее дважды в финале романа "Мастер и Маргарита" - 12000. Оно прозвучало сначала из уст Воланда, а потом было повторено Маргаритой, когда она, оказавшись вместе со свитой Воланда где-то далеко, высоко в горах, увидела там Пилата, в течение 12000 лун ожидающего прощения за проявленную им трусость, которую он сам судит строже, чем казненный им Иешуа, назвавший ее лишь одним из тягчайших пороков. По словам Пилата, это - не один из, а самый тяжкий порок. Сколь долго Пилат ожидал прощения там, где его застали Воланд, мастер и Маргарита?.. В единственном, известном мне, комментарии к этой сцене, принадлежащем перу одного из наиболее плодовитых комментаторов романа, утверждается, вопреки тексту романа, что Пилат "уже около д в у х т ы с я ч лун одиноко сидит на горной вершине" (разрядка моя -Ф.Б.) (Соколов 1991:95). Исследователь не только не заметил, что исказил текст романа, но и на этой основе делает вывод о том, что это срок ...в две тысячи лет. Получается, что за один солнечный год (а ведь мы ведем счет именно по солнечному календарю) случается только один лунный цикл. Иначе говоря, по Соколову, лунный месяц равен солнечному году. Но в таком случае и Пасха приходилась бы ежегодно на один и тот же день. На самом деле, лунный месяц не экспонента, и гораздо более короток. Его продолжительность, как известно, варьирует в пределах от 27,32 до 29,53 солнечных суток. Поэтому кратное число раз не может лунный месяц уложиться в солнечный год, в 365,2524... солнечных суток. Правда, для романа такая точность и не нужна была. Наоборот, вздумай Воланд оперировать дробными величинами здесь, он оказался бы сам готовым пациентом клиники проф.А.Н.Стравинского. К тому же, число 12000 имеет и некий мистический ореол, чего не скажешь, к примеру, об 11853,57.

Сберегая печатное пространство, опускаем все остальные астрономические доводы и

вычисления, отсылая интересующихся деталями к опубликованным ранее работам (Балонов 1993; 1995). Перейдем сразу к итогам наших литературно-астрономических выкладок. При округлениях, неизбежных в такого рода вычислениях, магическое число лун - 12000 - превращается в чуть менее круглое и не столь, по видимости, магическое число солнечных лет - 955.

Так в каком же времени застали беглецы из горящей апокалиптическим огнем Москвы Пилата? Учтем что "Пилатов грех" имел место быть, по традиционной хронологии, в 33 г. (по Р.Х. или н.э. - кому как любо). Пилат дождался, таким образом, 988 года, крещения Руси, чтобы быть прощенным. В ранней (1933 г.) редакции романа автор точно указал время действия "московских" глав, чего нет в редакции окончательной. Это была вторая половина июня 1943 г. (видимо, тогда М.Булгаков собирался использовать не пасхальный, как в последней редакции, а купальский код, и следы купальской семантики хорошо ощутимы и в редакции окончательной). Эта дата была выбрана Булгаковым не случайно. В его черновых материалах к роману сохранилась любопытная запись: "Нострадамус Михаил, род. 1503 г. Конец света 1943 г." (Лосев 1991:74). Легко восстанавливается, на основе чего сделана эта запись. Булгаков постоянно пользовался для наведения всяких справок Энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона, имевшимся в его домашней библиотеке. Именно здесь (Брокгауз 1897:XXI,387) в небольшой статье о Нострадамусе, где он назван как раз не Мишелем, а Михаилом (это имя, носителем которого был сам Булгаков, если оно относилось к людям от религии, мистикам и т.п., настраивало Булгакова, чувствуется, особым, магическим, мистическим образом), отмечалось, что конец света наступит в год, когда Страстная Пятница придется на день св.Георгия, Светлое Воскресение - день св.Марка, а праздник Тела Христова - день св.Иоанна. Материалистически настроенный (как и большинство других авторов этого словаря) автор статьи иронично отмечал, что и в прошлом "подобные совпадения бывали уже не раз", ибо хорошо знал астрономическую закономерность (Метонов цикл): одна и та же календарная дата приходится повторно на тот же день недели обязательно каждые 19 лет. Значит, три даты выпадут на одни и те же дни недели непременно в 19x3 = 57 лет (на самом же деле это происходит каждые 56 лет, так как Метонов цикл составляет не ровно 19 лет). И автор статьи указал ретроспективно такие, минувшие уже, даты светопреставления: 1886, 1829 и добавлял: "... а ближайшее из будущих (для тех дней) следует ожидать в 1943 г." Заметим, что у самого Нострадамуса эта дата не приводится (как, впрочем, нет и других недвусмысленно определенных дат).

Элементарная операция вычитания показывает, что эта дата отстоит от времени крещения Руси ровно настолько, насколько последняя моложе времени распятия Христа - на 955 лет. Так что на временной оси между Москвой и Иерусалимом/Ершалаимом Пилат оказался ровно посредине. Видимо, благодаря этому эхо "Пилатова греха" докатилось и до Москвы времени Михаила Булгакова. Москва, пораженная мерзостью греха, должна испытать ту же, что и мифологический Вавилон, мерзость запустения. И она гибнет в огне. Но прежде, чем под пером Булгакова погибла Москва, в роли града-блудницы выступил родной Булгакову Киев, выведенный под псевдонимом Город в "Белой гвардии". Здесь, правда, коллизии более сложные, и Город Булгакова - не только исторический Киев, но и проекция на грешную землю Града Небесного из сочинений Августина (Петровский 1991).

С помощью Чисел можно доказать, что Белая гвардия романа - вовсе не пресловутые белогвардейцы, тем более, что ни одного белогвардейца, в собственном смысле этого слова, в романе нет. Слово "белый" у Булгакова имеет здесь сакральный смысл.Подсчет соотношения таких цветообозначений как "белый" и "красный" в романе показывает, что по этому признаку роман в 1,6 раза более "красный", чем "белый". Но особое чувство испытываешь, когда подсчитав то же соотношение и в Откровении св.Иоанна Богослова, обнаруживаешь, что ровно во столько же раз (не считая сотых и т.д. долей) Апокалипсис более "белый", чем "красный". А ведь именно на эту книгу Нового Завета более, чем на другие, семантически и тонально ориентирована "Белая гвардия".

Когда в 1926 г. встал вопрос о сценическом воплощении романа на сцене МХАТ, автор не собирался менять название. Но в театре понимали, что спектакль с таким назва-

нием не будет разрешен Главреперткомом. Тогда Булгаков предложил, вместо прежнего, "Белый декабрь". Отвергли. Еще одно переименование - "Белый буран". И это отвергнуто. Никакое название, разъяснил Булгакову Станиславский, содержащее слово "белый" не будет пропущено. Вот тогда-то и появилось название "Дни Турбиных". Учитывая, что роман Булгаков первоначально собирался назвать "Белый крест", понятно, как важно было для него именно слово "белый". Он готов был поступиться даже словом "гвардия", но не этим цветообозначением. Ясно,что смысл названия романа тот же, что появится 60 лет спустя у В.Дудинцева - "Белые одежды" - о тех, кто в Откровении Иоанна облачен в белые одежды: о стоящих в канун Страшного Суда у престола Господня, то есть о Господней белой гвардии.

Из "Книги Слышаний": В произведениях М.Булгакова содержится масса аллюзий на разные Книги Священного Писания, более всего - на Книги Нового Завета. Использованы не только характерные для них знамения и видения, но и, так сказать, слышания. Самое яркое из них - то, которое описано в Деяниях св. Апостолов (II,4-12). Здесь, после того, как на них сошел Дух Святой, люди стали понимать слова пророческие, произнесенные на иных языках, им прежде неведомых. Не это ли происходит в "Мастере и Маргарите" с друзьями-писателями, встретившими на Патриарших прудах Воланда, изложившего им свою версию, "евангелие от дьявола", происшедшего в Ершалаиме при игемоне Понтии Пилате?! После чего и "солнце превратилось во тьму, и луна в кровь" (Деян.II,20). И в результате писатели-атеисты теряют голову. Иван Бездомный - фигурально (попадает в психушку), Михаил Берлиоз - буквально (под колесом трамвая). Версия Воланда, абсолютно бездоказательная ("И доказательств никаких не требуется" <...> Все просто, в белом плаще с кровавым подбоем <...>"), оказалась столь убедительной, что все читатели и критики восприняли эту ершалаимскую историю как подлинную. Что лучше этого может говорить об убедительности Воланда?! Проистекает она от его безбрежного обаяния (а то, что он обаятелен, признать приходится, хотя мы понимаем: Воланд - Сатана во плоти). Он заряжен энергией с отрицательным знаком, но, видимо, не меньшего абсолютного значения, чем Дух Святой в Деяниях Апостолов, коль миллионы сочли его россказни за истину и прежде всего то, что Иешуа Га-Ноцри - Иисус Христос. Даже литературоведы, сделавшие своей профессией булгаковедение, постоянно употребляют как синоним к имени персонажа рассказанной Воландом истории слова "Христос", "Иисус Христос". Но адекватна ли эта синонимия? Вслушаемся в повествование. Обратим внимание на то, как автор акцентирует внимание на таких деталях как язык диалога Пилата и Иешуа (при том, что в ранних редакциях романа такой акцентации этих обстоятельств не было). Не ремарки ли это для читателей, долженствующие побудить услышать ту или иную часть диалога именно на том языке, какой в ремарке указан? Неспроста ведь Булгаков нажимает на эту педаль. У него вообще ничего просто так не бывает. Вслушавшись, убедимся, что ремарки эти - для нас, читателей. А на Патриарших звучал не русский синхронный перевод арамейской, греческой и латинской речи. Соответствующие части диалога звучали прямо на этих языках в исполнении Воланда. Но Берлиоз и Бездомный, на которых сошел Дух Нечистый, понимали речь Воланда, как некогда в Иерусалиме, согласно Деяниям, разноязыкие, на которых сошел Дух Святой, понимали язык Апостолов. Но прежде - еще несколько слов о произношении греческом.

Современная классическая филология придерживается так называемого Эразмова, или этатического, чтения, соответственно и произношения, греческих слов. По укоренившейся же со времен крещения Руси традиции, восходящей к византийскому греческому, в России придерживались чтения итатического. Само название традиций чтения указывает на то , что прежде всего подчеркивается расхождение в чтении/произношении греческой буквы Н. По Эразму, она называется "эта" и произносится как "э", в традиции православной - "ита" и, соответственно, как "и". Самое простое доказательство того, что М.Булгаков, учивший греческий под руководством отца, преподавателя не только церковной и гражданской истории, но и греческого языка, придерживался чтения итатического - слово, обозначающее статус Пилата. У Булгакова это - "игемон", а не "гегемон", как следовало бы согласно Эразму. "Ирод", а не "Герод/Херод" и т.п. Слова, которыми обозначены функции (В.Я.Пропп) пер-

сонажей "романа о Пилате" = "евангелия от Воланда", на русском языке звучат совершенно не похоже одно на другое. Например, функции Левия Матвея - сборщик податей и ученик Иешуа, каковым он сам себя считает. По-гречески, 'сборщик податей, мытарь' - [мастрос] (в русской транскрипции по итатическому чтению; далее без дополнительных пояснений - так же). 'Ученик' - [мат/ф/итис]. Собственное имя этого персонажа должно звучать по-гречески как [матфэос] или [маффэос] (существовало два варианта написания, которые в настоящем издании, к сожалению, греческим алфавитом воспроизведены быть не могут). Слова эти, как видим/слышим, явно созвучны. Имя этого персонажа оказывается благодаря этому "говорящим". Имя начальника тайной полиции Пилата в ранних редакциях - Толмай. В последней редакции оно отдано помощнику начальника, а самого начальника здесь уже зовут Афраний. Оба имени - "говорящие". Греч. [толма] - 'отвага, смелость', [толмао] - 'отваживаюсь, осмеливаюсь', при [атолмиа] - 'трусость' (пресловутый "Пилатов грех"). Греч. [афрания] - 'неистовство', 'одержимость', 'бездумность', 'бездуховность'. Все имена и ключевые слова "ершалаимских" глав связаны отношениями созвучия. И только ограниченное пространство настоящей статьи не позволяет представить их здесь более полно. Это сделано в специальной работе объемом около 3 печ.л. (в печати). Приведем еще только один, но яркий пример.

Всех и каждого Иешуа называет одинаково - "добрый человек". И Пилат у него "добрый человек" (за что Иешуа и наказан бичеванием), и Марк Крысобой, бичеватель. Между тем, в греческом есть прилагательное со значением 'добрый', выступающее в функции субстантива 'добрый человек' - ХРНСТОС ("С" здесь использовано вместо "сигма"), в итатическом произношении являющееся омонимом слову ХРІСТОС - 'помазанник'. Так что в этом тексте не Иешуа - "христос", а все, к кому он обращается со своим словом. Что же касается самого имени "Иешуа" и прозвища "Га-Ноцри" (и то, и другое должны произноситься с ударением на последнем слоге, а "г" здесь фрикативное), то оба они древнееврейского происхождения. Этимологически "Иешуа" - 'Бог (Яхве) - помощь', "Га-Ноцри" в современном иврите - 'христианин' ("га" при этом - определенный артикль); перен.: 'не нашей веры, иноверец', то есть человек неиудейского вероисповедания. Оперируя фразеологизмами, можно сказать: "Федот, да не тот". Иешуа - не тот, который известен как Христос. И в самом деле, мало ли было Иешуа во времена Пилата и Ирода, да и раньше: Иешуа Навин, например, в Ветхом Завете. Или Иешуа Варрава, разбойник, арестованный тогда же, когда и Иешуа Христос, но отпущенный по требованию первосвященников Пилатом на волю, согласно Евангелиям.

М.А.Булгаков, казалось бы, сделал все, чтобы показать: Иешуа повествования Воланда - не Иисус Христос. Но советский читатель, в течение десятилетий оторванный от Евангелий, знавший их поверхностно, решил, что он - Христос. И, значит, заглотил глубоко блесну, яркую и привлекательную, брошенную Воландом, прежде всего кичившемуся своей эрудицией атеисту Берлиозу. Но попались на эту обманную наживку миллионы. В самом деле, Иешуа в "евангелии" Воланда - не из колена Давидова: он родом сириец (в ранней редакции), отец его был сирийцем (в редакции последней), о матери своей он ничего не говорит - не знает. Родом он не из Вифлеема или Назарета (прозвище "Га-Ноцри"лишь ложно-этимологически может быть увязано с последним топонимом, обозначением галилейской деревушки, древнеевр. "Нацрат"). Его родной город - Гамала, на севере, фактически - в Сирии. За ним не ходит толпа учеников (апостолов), один только Левий Матвей, который сам себя назвал учеником Иешуа, а тот его таковым не считает. Он не воскрешает Лазаря и не демонстрирует вообще никаких чудес. Не въезжает в Ершалаим на осле ("У меня и осла-то никакого нет, игемон, - сказал он"). Распинают его не на кресте, а на столбе (Т-образном сооружении), не прибивая гвоздями, а привязав веревками. Наконец, он не воскресает, и, стало быть, он не Сын Божий... И - главное - надо постоянно держать в уме, что все это известно, согласно Булгакову, только из трех источников: рассказа Воланда, сна Ивана Бездомного и написанного *мастером* "романа о Пилате", который удивительно точно соответствует версии Сатаны. Не за это ли *мастер* заслужил не свет, а покой?!

На каком бы языке ни шел разговор в "ершалаимских" главах - арамейском, греческом или латинском, слова, его составляющие, подобраны Булгаковым так, что они оказываются изо- или гомофонны именам персонажей и этих, "ершалаимских", и "московских" глав романа.

"Понырев" (настоящая фамилия Ивана Бездомного) созвучна, а, может быть, и этимологически возведена Булгаковым к греч. [понирос] - 'пролаз', 'проныра', 'плут', 'лукавый'; в языке Нового Завета употребляется для обозначения диавола, сатаны. "Мастер" созвучно упоминавшемуся [мастрос], а также [мастикс] и (однокоренным с ним) - 'бич' и др. "Берлиоз" - контаминация [белиар/велиар] и [вельзевул/белзебул]. Загадочная для булгаковедов трансформация функции титульного персонажа: "поэт" в ранней редакции - "мастер" в редакции последней непонятна только без учета этимологии рус. "поэт". В XVIII, да еще и в XIX вв. была употребительна форма "пиит/пиита", прямо восходящая, по Фасмеру, к греч. [пиитис], первое значение которого - 'мастер'. И латинские пассажи "ершалаимских" глав демонстрируют не менее удивительные чудеса. Когда Пилат говорит Иешуа, что жизнь арестанта висит на волоске, он цитирует римского/латинского автора - Цицерона.

Если должным образом акцентировать фразу, то в ней явно прозвучит намек на то, что жизнь Иешуа зависит от Пилата (лат. de pilo pendet и ex Pilato pendet, соответственно). А пытаясь "услышать" на латинском мысль Пилата - "О боги, боги мои, яду мне, яду!", - надо учитывать, что у римлян было принято клясться СВОИМИ богами, а не богами вообще, и взывать о помощи - к ним же: пенатам и ларам. Тогда услышим: "O penates, lares mei, potionis me, potionis". Здесь анаграмматически прочитывается/слышится имя самого адоранта - Pontius Pilatus.

Самые археологические главы "Мастера и Маргариты", главы "ершалаимские", требуют и подхода археологического. Недаром М.А.Булгаков с карандашом в руке прорабатывал труд своего земляка, увидевший свет в год рождения автора любимого нами романа, Николая Маккавейского "Археология истории страданий Господа Иисуса Христа" (Маккавейский 1891). Надо, повторим, особенно здесь, в "ершалаимских" главах, раскапывать всю площадь, слой за слоем, в самых ответственных случаях сменяя заступ на скальпель и кисть, а при трактовках использовать все доступные данные смежных наук: лингвистики, ономастики, топонимики, этимологии, не забывая о вспомогательных (историографии, хронологии) и о критике источников, внешней и внутренней.

В заключение хочется еще раз сказать, что практически безупречное владение всеми этими инструментами демонстрируют в своих работах Д.А.Мачинский и М.Б.Щукин.

Список литературы

Балонов Ф.Р. 1993 Так какие же рукописи не горят? // Вечерний Петербург. NN 152 (20042) - 154 (20044). 7, 8, 9 июля. С.3. СПб.

Балонов Ф.Р. 1994 "Московский Вавилон" и "Кривое зеркало": М.А.Булгаков в "соавторстве" с И.Ильфом и В.П.Катаевым // De visu. N 5/6 (16). С.91-92. М.

Балонов Ф.Р. 1995 Какие рукописи не горят? // Булгаков М.А. Рукописи не горят: Роман. Фантастические повести. Автобиографические материалы. С. 665 - 670. М.

Балонов Ф.Р. 1996 "Чисел не ставим, с числом бумага станет недействительной..." (Мнимый антихрист у Льва Толстого и Михаила Булгакова) // Русская литература. N 4. С.77 - 92. СПб.

Библия 1872 Библия, или Книги Священного Писания Ветхаго и Новаго Завета. СПб.

Булгаков М.А. 1995 Под пятой // Слово. NN 1 - 2. С. 66 - 73. М.

Воспоминания 1988 Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.

Кончаковский А., Малаков Д. 1993 Киев Михаила Булгакова. Изд. 2-е. К.

Лосев В.И. 1991 Комментарии [к: М.Булгаков. Великий канцлер] // Слово. N 6. С. 74 - 75. М.

Мачинский Д.А.1996 Земля аримаспов в античной традиции и "простор ариев" в Авесте // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Материалы международной конференции. С. 3 - 14. СПб.

Петровский М.С.1991 Мифологическое городоведение Михаила Булгакова // Театр. N 5. С. 14 - 32. М.

Соколов Б.В. 1991 Роман М.Булгакова "Мастер и Маргарита". М.

Щукин М.Б. 1996 Отзыв официального оппонента о диссертации Ф.Р.Балонова "Культ коня и колесницы в скифо-сарматскую эпоху у народов евразийских степей и предгорий", представленной в форме научного доклада на соискание ученой степени кандидата исторических наук // Архив отдела аспирантуры СПбГУ. СПб.